

Л. В. Искровская

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЖИТЕЛЬ ПРИНЕВСКИХ ЗЕМЕЛЬ: ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАНИЙ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

«Не следует задаваться совершенно непосильной задачей – дать определение духа Петербурга. Нужно поставить себе более скромное задание: постараться наметить основные пути, на которых можно обрести “чувство Петербурга”...», – так определял задачу изучения города Н. П. Анциферов¹. Попытаемся вслед за ученым наметить один из возможных путей постижения Петербурга в школьных краеведческих курсах.

«Душа Петербурга» – это и душа его жителей, их внутренний неразделимый мир, их особого рода ментальность. Разве кто-то будет возражать против высказывания «питерцы отличаются, скажем, от москвичей или жителей Дальнего Востока»? Вопрос корректнее было бы поставить так: чем отличаются петербуржцы от жителей других регионов страны, не говоря уже о жителях других государств. Одним из отличительных признаков и будет эта самая петербургская ментальность.

Этим емким словом «ментальность», не имеющим однозначного перевода на русский язык, часто называют все то, что не подпадает под определение понятий «политика», «социально-экономические отношения», «обычаи», «законы»; с его помощью объясняют и то, что представляется странным и непонятным в культуре и истории других народов, социальных групп, отдельных людей. Термин «ментальность» прочно вошел в историческую науку вслед за понятием «менталитет». Если под последним понимается нечто имеющее всеобщее значение, подобное тому, какое имеют понятия «сознание», «мышление», то под ментальностью подразумеваются именно содержательные особенности проявления менталитета, то есть «социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности» (А. Я. Гуревич). Другими словами, это все те особенности сознания и бессознательного, которые заложены культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением.

Известно, что не существует единого масштаба, под который можно было бы подогнать все цивилизации и эпохи, поскольку не существует человека, равного самому себе во все эти эпохи. Например, Е. В. Пчелов выделяет следующие события средневековой Руси, которые привели к изменению ментальности русского человека и, в частности, жителя приневских земель:

- принятие христианства, что разрушило ментальность язычника;
- монгольское нашествие на Русь, которое нанесло удар по духовной свободе христианина и способствовало складыванию иного типа человека – подданного русского царства, который окончательно оформился к моменту создания Московского государства.

¹ Анциферов Н. П. Душа Петербурга. СПб, 1990. С. 14.

На основании данных переломов ментального фона русской истории ученый предлагает делить русское средневековье на четыре этапа:

1. Языческая Русь (VIII в. – 990 г.)
2. Христианская Русь («классический» период до 1238 – 40 гг.)
3. Период ломки и становления нового менталитета в монгольскую эпоху (сер. XIII в. – сер. XV в.)
4. Московская великокняжеская Русь со своим типом сознания (кон. XV в. – нач. XVII в.)².

Совершенно естественным будет рассмотрение собственно Петербургского периода (XVIII в. – нач. XX в.) и Советского периода (ломка старого и образование нового менталитета советского человека). Представляется, что на основании данной периодизации могут строиться и краеведческие курсы, учитывающие специфику северо-западного региона России. Пользуясь высказыванием Д. Л. Спивака, «начав от ижорских жрецов, шведских викингов или византийских монахов, <...> предстоит проследить нити древних влияний до тех пор, пока они не втянутся в ткань петербургской культуры»³, и далее изучать собственно петербургскую культуру в широком значении слова «культура».

В обозначенные периоды жители приневских земель воспринимали и осознавали мир по-своему, на собственный манер организовывали свои впечатления и знания, «конструировали свою особую, исторически обусловленную картину мира». Данная «картина мира» складывалась из множества компонентов, или, по определению А. Я. Гуревича, категорий⁴. Такие компоненты ментальности являются некой интегральной характеристикой структурных элементов менталитета, включающей особенности восприятия, представления, ценностные аспекты, способы реагирования.

Рассматривая такой компонент ментальности как «время», мы осознаем, что для средневековых людей, в том числе и жителей нашего края, время было лишь моментом вечности. По их представлениям, оно принадлежало одному Богу; овладеть им, его измерить, извлечь из него пользу, что делали ростовщики, считалось страшным грехом.

Для современного школьника не составит труда объяснить, что такое прошлое, как он понимает настоящее, будущее. Но люди прошлого, с которыми мы знакомим учащихся, представляли время иначе. Наши предки как бы наблюдали за его потоком «с берега». Для них прежние князья были «передними», ведь они были раньше современных им князей, а значит были «впереди». Поскольку в их восприятии прошлое было первым, значит, оно было впереди; такое положение вещей наглядно иллюстрирует пословица: «Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь». Подтверждение этому можно найти и в этимологии ряда современных слов. Так, слова «впереди», «перед», «передний», «опережать», «прежде», «прежний», как ни странно это для нас, имеют общий корень и свидетельствуют об особом взгляде на то, что было прежде. Формула восприятия времени «вчера – впереди, а завтра – сзади» помогает увидеть наше коренное социально-психологическое отличие от наших далеких предков.

² Пчелов Е. В. Некоторые вопросы периодизации феодального общества Древней Руси // Историческое познание: традиции и новации : Тезисы Междунар. теорет. конф. Ч. 1. Ижевск, 1993. С. 161.

³ Спивак Д. Л. Северная столица : Метафизика Петербурга. СПб., 1998.

⁴ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Время в восприятии не имело линейного вектора, а представляло некую цикличность. Для земледельца, сеющего ячмень или лен, год представлял собой вечный круговорот: за одной весной всегда приходила другая, время крутилось по кругу, как веретено или волчок. Это представление заключено в самом слове «время»: когда-то оно имело общий корень со словами «веретено», «вертеть». Слово «век» не означало определенного отрезка времени в сто лет, оно значило жизнь человека: «Век прожить – не поле перейти». Ладожанин, живший в X столетии, вряд ли мог похвастаться знанием собственной даты рождения – не потому, что ему это не сообщили, а потому, что это не представлялось ему значимым, ценным.

Анализ другого компонента ментальности – «пространства» – позволяет говорить о том, что для средневекового жителя новгородских земель категории «времени» и «пространства» тесно переплетались. Обнаружить этот феномен можно в этимологии слова «верста». Верстой новгородцы называли и возраст, и меру расстояния. Если два человека имели одинаковый возраст, то есть были одной версты, прошли одинаковый жизненный путь, они были сверстниками. Получается, что слова «верста» и «время» произошли от одного и того же корня.

Примеры иного наполнения только двух обозначенных компонентов ментальности можно множить и множить; важно другое: через их специфику учащиеся познают мироощущение эпохи, поведение и сознание людей, для них становится понятным их ритм жизни, отношение ко многим вещам, реакция на те или иные внешние импульсы и т. д.

Конечно, знакомство только с двумя компонентами ментальности средневекового человека не позволит сформировать у учащихся глубокие знания о господствовавшей некогда картине мира, но позволит педагогу сделать правильный акцент на отличии нас от предков не только в вещно-объектном плане, но и в субъективном отношении.

В структуру систематических историко-краеведческих курсов возможно вводить материал, раскрывающий большее количество компонентов ментальности. Сегодня историки говорят о семнадцати основополагающих компонентах ментальности, способных более детально и глубоко представить внутренний мир человека в ту или иную эпоху, – это прежде всего: индивидуум – семья – общество; любовь; религиозность; тело и душа; болезни; радость – счастье – страдание; работа и праздник; возрастные особенности; умирание и смерть; страхи и надежды; общение; чужое и собственное; власть; право; природа и окружающий мир; пространство и время; история⁵. Отбор названных компонентов ментальности для изучения в школьных краеведческих курсах будет обусловлен рядом факторов:

- целями и задачами данных курсов;
- психолого-педагогическими возможностями учащихся;
- степенью разработанности материала в базовых гуманитарных науках;
- возможностями учебно-дидактического комплекса.

Включение анализа ментальных факторов в более общую картину общественной жизни города, края, способствует ее обогащению, делает ее более многомерной и убедительной, приближая ученика к пониманию истоков, особенностей формирования и функционирования духовных образований жителей нашего региона. Изучение различных ментальных установок жителя края в данную историческую эпоху позволяет рассмотреть ее не только извне – с позиции внешнего наблюдателя, в

⁵ Europäische Mentalitätsgeschichte. Stuttgart, 1993.

которую мы привыкли ставить ученика, – но и изнутри, исходя из собственной логики эпохи, из той системы понятий, которая была присуща жителю Вотьской пятины Новгорода или Петербургской губернии XIX века. В идеале совмещение этих двух позиций позволяет ученику более полно постичь изучаемые события, явления, процессы, ему становится понятна не только их внешняя сторона, но и внутренние пружины действия. Другими словами, посредством названных знаний возможно эффективное формирование исторического мышления.

Данные знания имеют и огромное воспитательное значение. Осознание уникальности петербуржцев и жителей края способствует формированию локального патриотизма, чувства гордости за свою малую родину, ценностного отношения к ее наследию. С другой стороны, знакомство с ролью и местом ментальных факторов в историческом процессе способствует становлению морально-этических представлений школьников, оберегает их от навязывания далекому прошлому психологических анахронизмов, а в реальной действительности – от навязывания собственной модели поведения представителям иных культур.

Сегодняшним школьникам жить в будущем Петербурге, сохранять и преумножать его богатства, но без желания постичь духовный мир петербуржцев прошлого и настоящего, без учета особенностей «души города» его позитивное будущее невозможно.